

Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях

Παλαιорωσσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει

Выпуск 3

2015

страницы 8-30

Равноапостольный князь Владимир и его эпоха

Петров А. В.

**Владимир Святославич и его сыновья
в контексте норманнского вопроса**

«Русь приняла путь Креста, путь разрыва со всем дурным, со всем тем, что приковывает к земле. А живой пример князя Владимира, в котором все увидели чудо преображения великого грешника в праведника, призвал к жизни целый великий народ. И святой князь Владимир, прославленный этим чудом, стоит у истоков христианской Руси»

*архимандрит Иоанн (Крестьянкин)
(Слово к 1000-летию Крещения Руси)*

Наука история есть «сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения — прошлых, настоящих и будущих»

*Фернан Бродель
(Бродель Ф. История и общественные науки.
Историческая длительность //
Философия и методология истории. М., 1977. С. 128).*

Истоки княжеской (королевской, герцогской) власти восходят к власти военных вождей племенной эпохи. Так было по всей Европе. Так было и у русских славян. Но первыми нашими князьями, с которыми мы стали выходить из дописьменного доисторического мрака, скорее всего, являлись германцы-норманны. По этому поводу, некогда, «всех нас, русских» ироничный Виссарион Белинский призывал от досады «не вешаться». Многие из наших интеллектуалов, из поколения в поколение, досады нисколько и не чувствовали, а вот *научная* проблема, связанная с определением характера и значимых подробностей симбиоза германских и славянских начал на заре русской истории, по мере её изучения, осознавалась как всё более глубокая и сложная.

Бесспорно научное значение выдающихся разысканий А. А. Шахматова и его последователей. Но, думаю, не прекратятся и по-

пытки синтезировать достижения «шахматовской школы» с другими научными подходами. Давняя книга И. П. Ерёмкина «Повесть временных лет» (1946 г.) по-прежнему стоит особняком в нашей науке, хотя её профессиональное качество отметил Д. С. Лихачёв. И. Н. Данилевский предлагает истолкования летописных сюжетов, выходящие за пределы опекаемых историографической традицией представлений. Вскрывая и объясняя авторскую позицию летописцев, необходимо отдать должное влиянию на летописную историографию идей и настроений русского *религиозного кенозиса*. В таком ракурсе анализа летописные источники приоткрывают новый пласт содержащейся в них информации. Учет дидактических, учительных задач летописцев, озабоченных внедрением и отстаиванием христианских смыслов и ценностей, и обнаружение в связи с этим полемической направленности текстов повышает информативность источника и расширяет возможности исторического исследования¹. В свою очередь, далеко не исчерпаны возможности «расшифровки» других замыслов и тенденций, вольно или невольно владевших авторами тех или иных летописных текстов.

Начальное летописание сохранило несколько упоминаний варягов в прямой связи с именем Владимира Святославича. Эти упоминания должны рассматриваться в совокупности с другими данными по т.н. «норманнскому вопросу», но они имеют особое значение для прояснения деталей участия норманнов в ранней истории Киево-Новгородской Руси и для уточнения отношения к ним летописцев.

Первый раз в непосредственном контексте «варяжской темы» князь Владимир оказывается в летописном 6485 (977) году. Испугавшись Ярополка, убившего Олега, Владимир, по летописи, бежит «за море», чтобы через три года вернуться оттуда «с варягами» и бросить вызов своему брату².

Следующее соприкосновение с «варяжской тематикой» связано с полоцким князем Рогволодом и его дочерью Рогнедой в летописном 6488 (980) г.³ И у отца, и у дочери, скорее всего, скандинавские

---

¹ Петров А. В. 1) Свв. сыновья князя Владимира и паракенотипические акценты в ранней русской историографии // Александр Невский: Проблемы истории России. Усть-Ижора, 2002. С.32–42; 2) От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 94–96 и др.; 3) К изучению литературных тенденций русской летописной историографии // Проблемы истор. регионоведения: Сб. научн. трудов к 70-летию проф. В. И. Хрисанфова / Отв. ред. Ю.В.Кривошеев. СПб., 2009. С. 19–58.

² ПВЛ / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 35–36; НЛ / ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 124–125.

³ ПВЛ. С. 36; НЛ / ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 125–126.

по происхождению имени⁴, да и летопись в данном случае напрямую свидетельствует, что «этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке»⁵. Владимир выступил против Рогволода, собрав «много воинов – варягов, словен, чуди и кривичей»⁶.

Варяги же, в том же самом 6488 (980) летописном году, с ведома или даже по приказу Владимира-язычника убивают Ярополка Святославича: «два варяга подняли его мечами под пазухи», когда он шёл к Владимиру выразить свою готовность подчиниться, – «что ты мне ни дашь, то я и приму»⁷. Ярополк погиб благодаря предательству коварного воеводы Блуда и потому, что не послушался предостережений Варяжко, надолго остававшегося ему верным даже после смерти обманутого князя⁸. Надо думать, что Варяжко этот – дружинник Ярополка, имя же дружинника позволяет догадываться о его происхождении и, в свою очередь, вписывать данный персонаж в «варяжскую тему».

Наиболее замечательным летописным известием о варягах в непосредственной связи с Владимиром Святославичем является сообщение под тем же 6488 (980) годом: «После всего этого сказали варяги Владимиру: “Это наш город, мы его захватили, – хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека”. И сказал им Владимир: “Подождите с месяц, пока соберут вам куны”. И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: “Обманул нас, так отпусти в Греческую землю”. Он же ответил им: “Идите”. И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальные же отравились в Царьград к грекам. Владимир же еще прежде них отпра-

---

⁴ См., напр.: *Томсен В.* Начало русского государства / Пер. с нем Н. Аммона // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. С. 185, 215, 223; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. Изд. 2-е. М., 1987. С. 490; *Успенский Ф. Б.* Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 36. – Исследователи обычно указывают на созвучные скандинавские варианты имен: Рогволод – Рёгнвальд, Рогнеда – Рагнхильд (др.-сканд. *Rag(n)valdr* и *Ragnheidr*). Впрочем, существует также и давно уже высказанное мнение (восходящее к Н. И. Костомарову) о происхождении имени «Рогволод» от славянских слов «рог» и «волод» («владеть рогом», что могло бы означать «обладать властью»), по той же самой лингвистической модели, по какой образовалось и славянское имя «Всеволод». Однако в случае принятия последней гипотезы пришлось бы проигнорировать слова летописи о приходе Рогволода в Полоцк «из-за моря».

⁵ ПВЛ. С. 36; НЛ / ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 125.

⁶ Там же.

⁷ ПВЛ. С. 37; НЛ / ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 127.

⁸ Там же.

вил послов к царю с такими словами: “Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного”⁹. Данное сообщение содержит наиболее существенную информацию об участии варягов в политических событиях на Руси эпохи Владимира, об их роли в этих событиях и об отношении к ним.

Но прежде, чем остановиться на анализе последнего и предыдущих сообщений, упомянем ещё два известия, касающихся затронутого аспекта нашей ранней истории.

В следующий раз варяги Владимировой эпохи являются читателям Повести временных лет под летописным 6491 (983) годом в образе христиан-мучеников. Владимир вернулся из удачного похода на ятвягов, «принося жертвы кумирам с людьми своими». Жребий пал на юношу-христианина, из варягов, наделённого, по словам летописи, многими достоинствами, которого киевляне по указанию «старцев и бояр» выразили желание «зарезать в жертву богам». Отец юноши, тоже христианин, пришедший «из Греческой земли», добровольно не выдал своего сына. «Людям» пришлось брать штурмом двор христиан-варягов, «и так их убили... Ведь были тогда люди невежды и нехристи»¹⁰.

После описания событий, связанных с Крещением Руси, борьбою с печенегами, Начальная летопись говорит о смерти двух женщин: «В год 6508 (1000). Преставилась Малфрида. В то же лето преставилась и Рогнеда, мать Ярослава»¹¹. О Рогнеде мы уже говорили. Её варяжское происхождение кажется мне наиболее вероятным. Но кто такая Малфрида, в чём имени также угадывается германское начало, а упоминание наряду с Рогнедой позволяет предполагать в ней знатное лицо?

Ответ на заданный вопрос поневоле может последовать только в виде догадки. Исследователи по-разному идентифицировали эту загадочную женщину, чьё имя однажды мелькнуло на страницах начального летописания¹², предпочитая видеть в Малфриде *жену* Владимира Святославича, тем более, что В.Н.Татищев сообщал, что она – мать Святослава Владимировича¹³. Однако я склоняюсь к другой

⁹ ПВЛ. С. 37; НЛ / ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 127–128.

¹⁰ ПВЛ. С. 38–39; НЛ / ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 130–131.

¹¹ ПВЛ. С. 57; НЛ / ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 168.

¹² Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь... С. 37.

¹³ Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-и томах: Т. 1. История Российская. Часть 1. М., 1994. С. 113.

высказанной в историографии версии¹⁴. Мне в первую очередь приходится на память *мать* Владимира – Малуша, ключница Ольги, рабыня, чьё имя вполне могло быть славянским уменьшительным от «Малфриды». Тогда получается, что в 1000 г. Владимир лишился и первой жены, и матери.

У Владимира Святославича было много жён, но лишь две из них особо и явно выделяет летопись, сообщая о них некоторую информацию, – это Рогнеда и Анна. Рогнеда выделена как мать Ярослава и первая жена, Анна как *законная* жена, состоявшая со своим супругом в христианском браке, как «Владиминова царица». Летопись говорит о кончине и той, и другой. Если Малфрида не мать, а жена, то отдельное упоминание о ней не вписывается в летописную логику сообщений о жёнах Владимира. Такое упоминание, при умолчании о других жёнах, непонятно. Если же Малфрида – мать Владимира, то вопрос, почему в летописи присутствует сообщение о её смерти, как будто, снимается. На мой взгляд, летописное упоминание обеих женщин – Малфриды и Рогнеды – вместе, в одной записи и под одним годом, кроме всего прочего, может служить завершением определённой сюжетно-смысловой линии, проводимой в летописи. Некогда Рогнеда оскорбила и Владимира, и его мать – не захотела «разуть сына рабыни». Высокомерная полочанка пострадала за свою непреклонность и гордыню, но в конечном итоге обе они – и в прошлом рабыня, и рождённая дочерью независимого князя, – ушли из земной жизни одновременно, как бы символизируя христианское убеждение, что перед лицом Божиим все равны, перед Ним ты – «прах, и в прах отыдеси». Наши летописцы были склонны к образному морализированию, выведению и подчёркиванию дидактических смыслов описываемых ими исторических событий.

Если Малуша и скончавшаяся в 1000 г. Малфрида – одно и то же лицо, то с неизбежностью приходим к гипотезе о непосредственном варяжском происхождении самого равноапостольного князя Владимира I, которое проливает свет на особенности летописного исполнения «варяжской темы». Данная гипотеза вытекает из последнего летописного упоминания варягов в ряду их упоминаний, находящихся в прямой связи с именем Владимира Святославича.

Переходя к осмыслению перечисленных известий в их совокупности, прежде всего, отметим, что перечисленные известия свидетельствуют о тесных связях Киево-Новгородской Руси владимировой

---

¹⁴ Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 269.

эпохи и лично Владимира с варягами. На поверхности – видимая простота вовлечения варягов во внутреннюю борьбу на Руси. Они оказали Владимиру огромную помощь, по существу приведя его к власти, а князь их обманул.

Об этом историки писали часто и много. Причём, в историографии давно и справедливо указано, что *летописный* Владимир-язычник не похож на *летописного* Владимира-христианина, между первым и вторым громадная дистанция¹⁵, не снисвавшая даже мудрому царю Соломону, – благодаря Крещению князь полностью преобразился и «обрёл спасение»¹⁶. Но стало бы очевидным преувеличением доводить данную мысль до утверждения, что эволюция образа Владимира в летописи – исключительно результат литературной настойчивости, и этот образ не имел ничего общего с действительностью. Как некогда Савл стал Павлом, коварный предводитель язычников мог на самом деле переродиться в христианского правителя, «боящегося греха»¹⁷. Вместе с тем, сказанное несколько не отменяет того, что у летописцев был свой «литературно-дидактический» план действий. Под их пером повествование о реальных событиях прошлого становилось выразительнее и контрастнее для восприятия поучительным христианским противопоставлением полярных интенций и категоричной расстановкой моральных акцентов.

К Владимиру-язычнику летописцы строги. До своего крещения он совершил много с христианской точки зрения неблагоприятных поступков. Правда, для князя и тут находятся некоторые «смягчающие обстоятельства»: воевода с нарицательным именем «Блуд» в летописи на себя берёт значительную долю ответственности за убийство Ярополка. Сходным образом ранее другой воевода, Свенельд, летописными словами князя Ярополка оказывается обвинённым в убийстве Олега Древлянского; сам же Ярополк сокрушался над бездыханным телом брата и в слезах бросил Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел!»¹⁸. Князь «роду княжа» поставлены в привилегированное положение, с них

---

¹⁵ Напр., Н. И. Костомаров утверждал: «...По всему видно, что летописец с намерением хочет наложить на Владимира-язычника как можно более чёрных красок, чтобы тем ярче указать на чудотворное действие благодати крещения, представив того же князя в самом светлом виде после принятия христианства» (Костомаров Н. И. Господство дома св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 1993. С. 6).

¹⁶ ПВЛ. С. 37.

¹⁷ ПВЛ. С. 56.

¹⁸ ПВЛ. С. 35.

меньший спрос даже за языческие злодеяния. Но всё это именно – «смягчающие обстоятельства», не отменяющие вины. Да и как можно её отменить, если на прямые слова Блуда: «будь готов убить его»¹⁹, Владимир такую готовность продемонстрировал сполна.

Среди неблагоприятных поступков Владимира-язычника, на мой взгляд, заслуживает пристального исследовательского внимания летописное предательство князем варягов, приведших его к власти. Тем более, что в свете гипотезы о предполагаемой матери Владимира – Малфриде, перед нами не простое предательство наёмников, но обман *единокровных* помощников-выручателей. В Повесть временных лет её авторами внесено особое комплиментарное отношение к варягам, отразившее (и вобравшее в себя) и реальные факты формирования Державы Рюриковичей, и отзвуки древней причерноморской традиции, и морализаторские составляющие летописи, и политические задачи летописцев²⁰.

Определение реальной роли норманнов в ранней истории Руси – важнейшая научная задача. Политическая история русских славян начинается в особых условиях взаимодействия с северогерманским миром. Объединились творческие импульсы двух этнокультурных стихий – славяно-русской и северогерманской. Почти 300-летнее изучение процесса данного взаимодействия *не оставляет сомнений в существенной роли северогерманской компоненты в политогенезе* на Восточноевропейской равнине. 300-летнее изучение научной проблемы – срок немалый, и её историография обрела свои классические образцы, адекватные возрасту исследовательского интереса.

Но по ряду моментов обсуждения до сих пор даёт о себе знать своеобразная «подростковая задиристость», и историографические копы ломаются в данном отношении с не меньшими эмоциональностью и категоричностью, чем во времена Миллера и Ломоносова. И в наши дни выходят сборники и проводятся конференции не только прямо противоположные по содержанию и направленности научных выводов (что несколько неплохо!), но и пафосно-враждебные друг другу. Авторы этих сборников и участники этих конференций готовы публично говорить своим оппонентам дерзости, подписывать и рас-

¹⁹ ПВЛ. С. 36.

²⁰ Петров А. В. Ярослав Мудрый и варяги // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: Материалы Всероссийской конференции, посв. 100-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2009. С. 66–71.

пространять неакадемические по характеру письма. Ставшая метафорической «перебранка» великого (и страстного) Ломоносова с его оппонентами, никак не хочет «архивироваться» даже *новейшей* программой научно-исторической дискуссии наших дней!

Что стоит за этим?

Если брать *объективную* сторону вопроса, то перед нами – *невольное* предощущение научного тупика (как не покажется парадоксальным подобное суждение в виду того, что значительная часть авторов убеждены в решительном превосходстве своей позиции)! *Многие новейшие исследователи пресловутого «варяго-русского вопроса», к сожалению, имеют неверное представление о действительном статусе своих мнений в его изучении.*

Своё понимание особенностей историографической ситуации в изучении данного вопроса я впервые высказал в годы «перестройки» на ленинградском радио, в цикле моих авторских передач «Исторические границы России». Потом я повторил данную мысль в ряде статей, в том числе опубликованных в Киеве, в сборниках НАН Украины.

Во-первых, я считаю, что делить исследователей Восточной Европы VIII–X вв. на т. н. «норманистов» и т. н. «антинорманистов» ныне *крайне непродуктивно*. В современной литературе – историографии конца XX – начала XXI столетий (даже не только именно в сегодняшней) эти понятия уже *явно не работают!* Из всего громадья проблем, образующих «варяго-русский вопрос», ныне остается только один пункт спора, по поводу которого позиции спорящих сторон не утратили еще чёткой определенности прежних научных школ. Это – вопрос о происхождении имени Русь и его первоначальных носителях. Квинтэссенция противостояния такова: одни ученые, как встарь, связывают имя Русь с норманнами, другие – по-прежнему, такую связь отрицают²¹.

Во-вторых, – и *главное*, что мне хотелось бы акцентировать, – я утверждаю, что полемика по вопросу о происхождении имени Русь не завершена, но всё более становится очевидным, что завершить её в обозримом будущем не удастся: *и с той, и с другой стороны, вероятно, задействованы все возможные средства для достижения победы*. Резюмируя громадную историографию названного вопроса, позволю себе прибегнуть к сравнению с шахматной игрой и сказать так: напряжённейшая партия т. н. «норманистов» с т. н. «антинормани-

---

²¹ См.: Петров А. В. К обсуждению «варяжского вопроса» // Слов'янські обрії: Міждисциплінарний збірник наукових праць. Вип. 1 / Відповідальний редактор випуску О. П. Моця. Київ, 2006. С. 172–187.

стами» к настоящему моменту отложена, но в отличие от шахматного турнира, где доигрывание приходится на следующий день, в этой партии неизвестно, когда состоится доигрывание, и состоится ли вообще!

Образ «недоигранной шахматной партии» логически побуждает и к ещё одной метафоре. Мы все смотрим детективы по телевизору. Исследователи настоящей проблемы *объективно* подобны оперативникам на совещании в кабинете у начальника уголовного розыска, когда *ничего решающего* о соответствующем деле *ещё не сказать*, и когда необходимо разрабатывать *именно различные и все* версии произошедшего, *совершенно равноправные* в момент их формулировки!

Я разрабатываю «версию», подсказанную в данном отношении моими исследованиями социально-политического и культурного развития древнего и средневекового восточного славянства. Проблематика преодоления раздоров на основе мудрого «одиначества» – весьма органична для «традиционной» славянской действительности. Принцип политического «одиначества», впервые в отечественной истории записанный в грамотах Ярослава, составлял важнейшую сущностную черту древнерусского вечевого уклада. Без единодушия веча и нераздельности форм власти как нормы и правила этот уклад функционировать не мог²². С изложенной точки зрения, *заносный мотив* призвания братьев-князей из чужой страны²³ оказался в благоприятных

---

²² Петров А. В. 1) От язычества к Святой Руси; 2) Несколько замечаний о древнерусском «одиначестве» // Русские древности: К 75-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2011. С.71–83.

²³ Рассказ о призвании варяжских князей, вероятнее всего, – восточноевропейская обработка ходячей средневековой легенды о братьях, призванных править в чужую страну. Весьма показательное предание о призвании бриттами двух братьев-германцев Хенгиста и Хорсы. Оно записано в «Церковной истории англоv» Бэды Достопочтенного [Книга I. XV]: «В это время [449 г.] народ англоv или саксов, приглашенный Вортигерном [король бриттов], пришъл в Британию на трех кораблях и получил место для поселения в восточной части острова, будто бы собираясь защищать страну, хотя их истинным намерением было завоевать её. Сначала саксы сразились с врагами, нападавшими с севера, и одержали победу... Говорят, что первыми их предводителями были два брата, Хенгист и Хорза». В «Англосаксонской хронике», под тем же годом, говорится, что сначала приглашённые Хенгист и Хорса «перебили или прогнали врагов короля [короля бриттов Вортигерна], но потом обратились против короля и всех бриттов, истребляя их огнем и острием меча». Виндукинд Корвейский в «Деяниях саксов» (М., 1975. С. 128), в свою очередь, сообщает о том, что «...послы [из Британии], прибывшие [к саксам], заявили: “Благородные саксы, несчастные бритты, изнуренные постоянными вторжениями врагов и поэтому очень стесненные, прослышав о славных победах, которые одержаны вами, послали нас к вам с просьбой не оставить [бриттов] без помощи. Обширную,

для него условиях и сразу же стал непротиворечивой частью местной фольклорной традиции. В летописях легенда о призвании варягов была приспособлена к обслуживанию морально-политических концепций современности. Сказание о призвании Рюрика с братьями в плане своих смысловых акцентов не одиноко. Оно отразило волновавшие тогдашних образованных русских христиан идеи (не только новгородского применения и значения). Позволительно указать и на другие летописные тексты, где встречаются близкие интерпретации²⁴.

По-видимому, мы «можем говорить о наличии в Новгороде, во 2-й половине XI в., идеологии, полагавшей Новгород “матерью городов русских”, самостоятельной волостью, с большой территорией, с исконным правом сменять и призывать к себе князей, принимавшей их как необходимость, но требовавшей соблюдения новгородских правопорядков. Таково *политическое* содержание рассказа о призвании варягов»²⁵.

Вместе с тем, на мой взгляд, следует учитывать, что *апология новгородского права призвания князей неизбежно оборачивается апологией вечевого «одиначества» и служит призывом к нему*. В Сказании о призвании варягов в качестве смысловой оппозиции согласному действию новгородцев, реализованному в призвании князей, иначе говоря, вечевому «одиначеству» выступает «усобица». Конечно, князь в XI–XII вв. полагается неременным гарантом внутреннего мира. Но исходный импульс к достижению «одиначества» принадлежит новгородцам. Именно они нашли силы «сказать самим себе: поищем себя князя». Без этого предварительного соглашения как бы оказалась на княжеских столах норманнская братия? Новгородцы, а не призванные князья, сыгравшие, по существу, роль проводников новгородской воли, роль служебную, – подлинные инициаторы установления «правды». Будь иначе, на личности Рюрика и братьев, наверное, был бы сделан бóльший акцент (а о них всего-то и известно, что были призваны, а потом, через какое-то время, умерли). Более то-

---

бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, [бритты] готовы вручить вашей власти”». Последняя фраза заставляет вспомнить летописную речь наших варягопризывателей: «земля наша велика и обильна...». Повторяемая затем в разных редакциях мысль о «захожем предании» впервые была высказана К.Ф. Тиандером (*Тиандер К. Ф.* Скандинавское переселенческое сказание // Датско-русские исследования. Вып. III. Пг., 1915).

²⁴ Петров А. В. От язычества к Святой Руси. С. 101–103.

²⁵ Троцкий И. М. Возникновение Новгородской республики. В 2 ч. // Известия АН СССР. VII серия. Отд. обществ. наук. Л., 1932. № 4. С. 277.

го, поскольку в древнем Новгороде идея политического «одиначества» предполагала различные акценты, Сказание о призвании варягов отстаивало определенное прочтение данной идеи.

Его нюансы станут наглядными при сопоставлении Сказания с летописным рассказом о событиях 1015–1016 гг.

Труден был путь Ярослава на киевский стол, занять который в результате кровавой междоусобной борьбы ему удалось только с помощью новгородцев. Победе предшествовали драматические события. Новгородская первая летопись, отразившая более ранний пласт летописной работы, нежели Повесть временных лет²⁶, под 6524 (1016) г. повествует о них так: «В Новгороде же тогда Ярослав кормяше Варягъ много, бояся рати; и начаша Варязи насилеи десяти на мужатых женахъ. Ркоша новгородци: “сего мы насилья не можемъ смотрити”; и собрашася в нощь, исекоша Варягы в Поромоне дворе; а князю Ярославу тогда в ту нощь сущу на Ракоме. И се слышавъ, князь Ярославъ разгневался на гражаны, и собра вои славны тысящу, и, обольстивъ ихъ, исече, иже бяху Варягы ти исекле; а друзии бежаша изъ града. И в ту же нощь ис Кыева сестра Ярославля Передслава присла к нему вестъ, рекши: “отець ти умерлъ, а братья ти избиена”. И се слышавъ, Ярославъ заутра собра новгородцовъ избытокъ, и сътвори вече на поле, и рече к ним: “любимая моя и честная дружина, юже вы исекохъ вчера въ безумии моемъ, не топерво ми ихъ златомъ окупите”. И тако рче имъ: “братье, отецъ мои Володимиръ умерлъ есть, а Святополкъ княжить в Киеве; хощю на него поити; потягнете по мне”. И реша ему новгородци: “а мы, княже, по тебе идемъ”. И собра вои 4000: Варягъ бяхеть тысяща, а новгородцовъ 3000; и поиде на нь»²⁷.

По вопросу о времени начала летописной работы в Новгороде нет единства среди исследователей. Одни полагают, что новгородское

---

²⁶ Это положение А.А. Шахматова (*Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. С. 9–17 и др.*) прошло испытание временем. – См., напр.: *Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод: (Текстологический комментарий) // Труды Отдела древней русской литературы. Л., 1976. Т. 30. С. 3–26.* «Текст Новгородской I летописи младшего извода – это и есть текст Начального свода, который предшествовал Повести временных лет и который был сильно переработан в Повести временных лет» (*Стефанович П. С. «Сказание о призвании варягов» или Oigō gentis russionum? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 573*).

²⁷ НЛ. М.; Л., 1950. С. 174–175. – Близкий по содержанию рассказ, с отдельными нюансами, под 6523 (1015) г. читается в Повести временных лет (Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Вып. 1. Стб.140–141).

летописание началось не ранее XII в.²⁸. А. А. Шахматов, между тем, как известно, датировал начало летописания на берегах Волхова 1017–1050 гг.²⁹. Близка к шахматовской позиция Б. А. Рыбакова, писавшего о составлении первой новгородской летописи в 50-е годы XI в.³⁰. Д. С. Лихачев считал возможным говорить о том, что погодные записи новгородской летописи начали составляться еще в XI в.³¹. По наблюдениям А. Г. Кузьмина, «мы имеем дело с целым рядом новгородских записей на протяжении от второго десятилетия до 60-х годов XI века. Записи эти, возможно, восходят к разным источникам». Анализ приведенного выше текста склонил А. Г. Кузьмина к предположению, что «рассказ об усобице в Новгороде, данный сходно в Повести временных лет и новгородских летописях, может быть имеет черты большей древности в новгородской версии. ...Хотя рассказ, несомненно, обрабатывался позднее, в нем чувствуется относительно современная основа»³².

Как бы то ни было, приведенный выше текст не лишен тенденциозности, обслуживающей определенный замысел его автора³³. Чтобы усилить желаемый эффект от сообщаемых сведений, летописец особо акцентировал некоторые обстоятельства. В маленьком летописном рассказе три раза упомянута и однажды подразумевается ночь как время действия разыгравшейся драмы. Это едва ли случайно и не несет заданной психологической нагрузки, призванной создать у читателя определенное настроение. Ночью мстят насильникам-варягам новгородцы. В ту ночь Ярослав, сказано, пребывает в своей загородной резиденции. Прямо не говорится, но, видимо, надо понимать именно так, что и перебил князь с помощью обмана мстителей все той же ночью. Потом ведь пришлось «избыток» их собирать «заутра». Наконец, в ту же самую злосчастную ночь, ни днем позже, пришла Ярославу весть от сестры. Поистине, получается рассказ «об ужасной ночи 1016 года».

---

²⁸ *Лурье Я. С.* Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. I. 1968. С. 28; *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. М., 1971. С. 120.

²⁹ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 491–515 и др.

³⁰ *Рыбаков Б. А.* 1) *Остромирова летопись* // Вопросы истории. 1956. № 10; 2) *Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи.* М., 1963. С. 193–206.

³¹ *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 202. – А. Г. Кузьмин по недоразумению отнес Д. С. Лихачева к числу сторонников мнения, отрицающего летописание в Новгороде ранее XII в. (*Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 363).

³² *Кузьмин А. Г.* Указ. соч. С. 381, 370–371.

³³ *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. С. 87–108.

Для чего применен этот литературный прием?

Думаю, чтобы наглядным противопоставлением дня и ночи усилить мотив превосходства «добра» над «злом» и как двух мировоззренческих принципов – христианского (отвергающего насилие) и языческого (насилие предполагающего), и, как в данном контексте, двух моделей политического поведения. Светом утреннего солнца залил летописец «дневной» план событий, ознаменовавшийся разумным соглашением, сотрудничеством, «одиначеством» новгородцев друг с другом и с князем. Во мрак погружен «ночной» план, когда правят бал усобица и кровопролитие. Злое вершится ночью, доброе – днем. Благодаря примененному литературному приему для нас становится яснее то, что всего дороже было летописцу: идея гражданского «одиначества», «наряда» и права в ее и политическом, и нравственном аспектах подчеркнута – дидактически демонстрирует свое превосходство в летописном повествовании над идеей раздора и отсутствия «правды».

Но есть и еще одно замечательное обстоятельство: в летописном рассказе «*об ужасной ночи 1016 г.*» идея «одиначества», политического единства свободна от призыва к отмщению. Между тем, хорошо известно, что сплоченное вече готово и способно расправляться с несогласными с его волей – волей большинства³⁴. Новгородцы из приведенного отрывка прощают князя, несмотря на его преступление. В этом прощении видели прежде всего рациональный политический расчет. Но ведь можно предположить и то, что прощение подчеркнуто беспрецедентного, жестокого, буквально кричащего преступления обслуживает дидактическую идею летописца о невозможности и неприемлемости для христиан мести как таковой. Во всей летописной истории событий 1016 г. для ее автора не то более важно, что Ярослав перебил новгородцев, а именно то, что они его затем христиански простили.

Идея «одиначества», политического единства предполагала два акцента или прочтения. В одном случае она сопрягалась с принципиальным («паракентипическим») отказом от мести; в другом случае – она предполагала расправу веча с несогласными с его волей – волей большинства. Один акцент – следствие бескомпромиссно выраженной христианской идеи, другой – отчетливо перекликается с языческой парадигмой.

В духе христианского понимания идеи единства и сплочения

---

³⁴ Например, см: Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М.; Л., 1926. С. 96–98, 100–102.

(«одиначества») и написан рассказ о событиях 1016 г. Нарочитость литературной обработки, явные преувеличения, своеобразная напористость изложения, отражающая завуалированную полемическую заостренность, дают право думать, что летописец не просто подчеркивал превосходство в политическом и моральном смыслах «одиначества» над «усобицами», но и отстаивал определенную интерпретацию самой идеи «одиначества».

Языческая составляющая подразумевалась как в «усобицах», так и в «одиначестве». Летописцы стремились подать дело так, чтобы затушевать ее. Их нарочитость в данном отношении как раз служит невольным доказательством наличия этой языческой составляющей, то есть является одной из тех «проговорок» источника, на информативную важность которых с полным основанием обращали внимание историки знаменитой школы «Анналов». В исторических условиях Новгорода востребованная жизнью политическая идея «одиначества» и преодоления усобиц интерпретировалась по-христиански и по-язычески. В христианском смысле она предполагала отказ от всяких форм мести и безусловное прощение противников. В языческой интерпретации требование «одиначества» оборачивалось призывами к расправе с противниками этого «одиначества».

В данной связи нелишне отметить, что древненовгородская литература знала примеры сатирического высмеивания как идеи соперничества и «усобиц», в основе которых лежали языческие традиции, так и идеи агрессивного, по-язычески понятого «одиначества». Говоря о примерах первого рода, в первую очередь вспомним знаменитых новгородских юродивых XIV в. Николу Кочанова и Феодора и их символическую «распрю»³⁵. Имея в виду примеры второго рода, прежде всего укажем на летописный рассказ, помещенный под 1071 г.³⁶ В данном летописном эпизоде волхву – выразителю языческой традиции «яша веру вси» новгородцы и «хотяху погубити епископа». Обращает на себя внимание, что солидарность или, иными словами, «одиначество» жителей города, реализуемое по языческому образцу, непременно предполагало «погубление» противников. Однако торжеству «зла» не суждено было состояться. Приверженцы его были порамлены. Описание их действий, претензий и их самих имеет харак-

³⁵ Служба Николаю Юродивому Новгородскому с Житием. СПб., 1831; *Костомаров Н. И.* Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М.; Смоленск, 1994. С. 498–499.

³⁶ НЛ / ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 196.

тер настоящей карикатуры. «Людие вси» – солидарный коллектив «мало не всего града», за минуту до того буянивший и выражавший воинственные желания, легко и мгновенно «разидошася», а главный возмутитель спокойствия – лидер языческого «одиначества», выставленный в нарочито смешном виде, «паде мертв», став жертвой собственной глупости и неверия.

В летописном рассказе «об ужасной ночи 1016 года» подлинная историческая информация скрыта в оболочках литературно-публицистического вымысла. В интересующем нас отрывке совершенно недвусмысленно указано (даже подчеркнуто), что Ярослав перебил 1000 славных воинов. Сравнительно с некоторыми другими местами летописи данный текст совершенно ясен и, на мой взгляд, исключает какое-либо иное его буквальное прочтение: речь шла именно о тысяче убитых, названных славными воинами, по отношению к которым прочие новгородцы составили «избыток». Но также несомненно и то, что перед нами литературное преувеличение. Чтобы выделить и укрупнить *главное* для него в рассказе о событиях 1016 г. – *прощение* новгородцами своего князя, летописец не поскупился на число убитых, сообразуясь с принципом: чем тяжелее вина, тем благороднее и возвышенней прощение. Ярослав раскаялся, публично признал себя безумным, а прощать надо всегда, в этом извечный долг христианина. Не скрывая своей моральной оценки учиненной расправы, летописец именует жертвы мести «славными воинами».

Такое понимание близко кенотипическим воззрениям, олицетворенным подвигом свв. Бориса и Глеба – современников описываемых событий. История их смерти, судя по всему, произвела особое впечатление на древнерусских людей. В частности, комментируя найденную в 1999 г. берестяную грамоту № 906, В. Л. Янин и А. А. Зализняк отметили «исключительный интерес», который представляет упоминание в ней Бориса и Глеба. «Это самый ранний ныне известный подлинный документ с их именами, и они уже выступают в перечне святых. Борис и Глеб были канонизированы в 1071 г. Грамота № 906, очевидно, относится ко времени, очень близкому к этой дате. Это свидетельствует об исключительной быстрой распространения их культа»³⁷.

Стремясь донести до читателей то, что ему было всего дороже, автор рассказа о Ярославе и новгородцах заставил жителей Волховской столицы простить раскаявшемуся князю убийство *тысячи слав-*

---

³⁷ Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г. // Вопросы языкознания. 2000. №2. С. 6.

ных воинов. По мысли летописца, путь к истинному «одиначеству», к миру и «правде» лежит через *прощение*. Та же самая идея присутствует и в Сказании. Варяги творили насилия. Их изгнали, затем, не помня прошлых обид, вернули, установив посредством этого мудрого решения общественный «наряд». Сказание о призвании варягов, таким образом, перекликается с той же «околокентипической» интерпретацией событий новгородской истории, которую удается выявить и в летописных текстах, посвященных началу XI века.

Рассматривая вопрос о причинах летописного отождествления варягов с русью, можно попытаться углубить понимание смысла Сказания, одновременно извлекая из него важную историческую информацию. Данное отождествление возникло как догадка наших летописцев, не чуждых научной систематизации фактов, и представляет собой ученый домысел, сделанный под влиянием византийской письменности (авторитет которой на Руси был очень высок). Эту мысль наиболее развернуто и убедительно обосновывал А. Н. Насонов. В Византии X–XI вв. понятия «Русь» и «варяги» смешивались. Например, составитель текста Повести временных лет широко использовал греческую хронику Георгия Амартола и его продолжателя, а в ее славянском переводе прямо сказано, что Русь «от рода Варяжеска». Известный русский византист В. Г. Васильевский указал основную причину того, почему в Византии смешивали варягов с русью: и те, и другие приходили в Царьград из России. Причем, «смешение происходило не только потому, – уточнил в свою очередь А. Н. Насонов, – или, вернее, не столько потому, что русь называла себя варягами, сколько потому, что варяги, приезжавшие на юг России в Киев и там остававшиеся, принимали имя руси, называли себя русью»³⁸.

Изложенное объяснение причин летописного отождествления варягов с русью носит веский характер. Вместе с тем, влияние византийской письменности, нисколько не исключает поиска *внутренних* источников этого отождествления. Причём, совершенно необязательно, чтобы эти внутренние источники отражали тождество варягов с русью, которое, будто бы, было реальным историческим фактом и о котором, согласно А. А. Шахматову, «помнили на юге»³⁹, в Приднпровье.

Описание в Повести временных лет событий, связанных с призванием варяжских князей и описание в ней же событий, связанных

³⁸ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. СПб., 2002. С. 36–37.

³⁹ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. С. 74.

с мезтью Ярослава новгородцам за избиение варяжских наёмников, разнятся с аналогичными текстами Новгородской I летописи некоторыми нюансами. Отмечу наиболее, на мой взгляд, интересные в данном отношении.

Во-первых, в Повести временных лет содержится пресловутое отождествление варягов с русью. Во-вторых, в Повести временных лет отсутствует указание на количество перебитых Ярославом новгородцев – на «тысячу» человек, по отношению к которой остальные жители города, как и в Новгородской I летописи, называются «остатком» (следовательно, *значительное* число жертв Ярославовой мести косвенно присутствует в Повести временных лет). В-третьих, в Повести временных лет эта «тысяча» якобы убитых новгородцев заменена «лучшими мужами»⁴⁰.

«Околокентипическая» интерпретация, как я её назвал, исторических событий присутствует и в Новгородской I летописи, и в Повести временных лет. Но в Новгородской I летописи главные выразители морально-политической идеи повествования – новгородцы. Именно им принадлежит и инициатива призвания варяжских князей в IX в., отводившая последним важную, незаменимую, но инструментальную роль в устройении «наряда», и честь «прощения» князю убийства «тысячи» своих сограждан в начале XI столетия, а также оказание ему помощи.

Ярослав Мудрый был знаковой фигурой для Новгорода, равно как «Ярославовы грамоты» были символом величия и самостоятельности этого города. Сказать, что новгородские летописцы плохо относились к Ярославу, мы решительно не можем. Тем не менее, существовала заинтересованность, вероятно и отразившаяся в вариантах Повести временных лет, в большем оправдании Ярослава за его новгородскую расправу. В связи с данной заинтересованностью «тысячу» убитых новгородцев заменили «лучшими мужами», что как раз соответствовало действительности, а в своего рода «защиту» жертв нападения на Паромоне дворе и выдвинули знаменитое тождество варягов с русью. Авторы Повести временных лет внушали своим читателям: варягов убивать было проявлением величайшей неблагодарности, ибо некогда они являлись русью, и именно от них это имя, и идея с ним связанная, перешли к славянам.

Местные источники отождествления варягов с русью в Повести временных лет не сводились к литературно-политической заданности.

---

⁴⁰ ПВЛ. С. 13, 62; НЛ / ПСРЛ. Т. 3, М., 2000. С. 106, 174–175.

Сопричастность «руси» как явлению и понятию требовала реальных оснований. Учёный домисел летописцев, пришедших к мысли об этом тождестве, слагался из разных компонентов.

Среди них была память об одном из древних значений, связанных с именем «русь». Национальное или профессиональное *само-название* скандинавов, которое напоминало бы по звучанию слово «русь», к настоящему времени не найдено, и вряд ли отыщется в дальнейшем. Финское же слово «ruotsi» некоторые исследователи, на мой взгляд, *чересчур уверенно* считают именем–посредником при образовании интересующего нас понятия.

Между тем, в последнее время в историко-филологических исследованиях получила глубокую разработку проблема южной *дославянской Руси*. Хотя этимология данного слова не может считаться окончательно выясненной, наиболее вероятными, всё же, являются его среднеднепровские и, шире, северно-причерноморские истоки⁴¹. Как удалось показать О. Н. Трубачёву, нельзя исключить его *индоиранское* или ещё более древнее, *индоарийское* происхождение⁴². И по лингвистическим, и по археологическим данным на V–VII вв. приходится время славяно-иранского симбиоза. В связи с этим вполне оправданной выглядит догадка, согласно которой славяне восприняли от древнего населения Северного Причерноморья, наряду с прочими языковыми элементами и формами культуры, и интересующее нас имя⁴³. Новейшие разыскания Е. С. Галкиной, покушаясь на научные стереотипы, позволяют полагать, что на юге теперешней России существовал «*Русский каганат*»⁴⁴. Полагаю, имя (и идея) «Русского каганата» могли быть успешно транслированы в пробуждавшийся к государственно-политическому развитию восточнославянский мир.

Стремление к созданию прочного политического объединения нуждалось в стимулах и непосредственных образцах для подражания. Преодоление внутренних несогласий воодушевлялось примером некогда достигнутого внушительного единства ближайших соседей. Можно

⁴¹ Данное слово – едва ли славянское. Славянские этнонимы образовывались по другой модели: пол-яне, древл-яне, слов-ене, дрегов-ичи, вят-ичи, крив-ичи, и т. д.

⁴² Гипотеза эта – ничуть не слабее старинной норманистской версии. – См.: *Трубачев О. Н.* 1) Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6; 2) К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.

⁴³ *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 111; 2) Славяне в древности. М., 1994. С. 278–279.

⁴⁴ *Галкина Е. С.* 1) Тайны Русского каганата. М., 2002; 2) Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М., 2006.

догадываться, что сама по себе идея объединения, сопряжённая с представлениями о «наряде» и «праве», срослась с образом «Руси», как и титул правителя настойчиво ассоциировался с титулом «каган». Мы знаем, что этот титул являлся древнейшим титулом киевского князя⁴⁵.

После падения «Русского каганата» «русь» – не племя, не социальная группа, не какая-либо конкретная территория, но, прежде всего, – *идея*: идея добровольного примирения, согласия, достигнутого путём преодоления раздоров. Русским («русином», «русью») становился тот (или те), кто обслуживал и олицетворял эту идею, в противовес давней традиции славянских междоусобий. Использование терминов «русь», «русин» оправдывалось представлениями о «Руси» как о сильном политическом объединении на восточноевропейской равнине и отражало адаптацию в славянских интересах впечатляющих фактов местной истории. Не удивительно, что с течением времени славянский государственный союз, ядро которого окончательно утвердилось на Среднем Днепре, был назван «Рутью» в память о «Русском каганате», а его князь стал «каганом». В этом контексте, позиция Д. С. Лихачёва, полагавшего, что древнейшим значением имени «Русь» было значение объединяющее, общеславянское⁴⁶, получает дополнительные основания.

Отождествление варягов с рутью в Повести временных лет (в Сказании о призвании варягов), служа задачам оправдания Ярослава за его безжалостную месть новгородцам, исторически небесспорно. Оно актуализировало старинное значение слова «русь».

Варяги, герои Сказания о призвании Рюрика с братьями, олицетворяли собой конструктивную силу, способствовавшую славянской инициативе прекращения «усобиц», и стали символом возникшего союза. В новгородских событиях 1015–1016 гг., будучи на стороне широкого народовластия, они тоже служили задачам политического единства. Между тем, древние русские славяне понимали государственность прежде всего как согласие, «наряд» и «право», достигнутые преодолением распрей морально-волевыми усилиями народа.

Отсюда один шаг до *этнического* отождествления варягов с рутью, до учёного домысла, что «русь» есть *их* племенное имя. Такая концепция возвышала историческую роль варягов и, тем самым, становилась важным доводом в пользу Ярослава, отомстившего за них.

Варягов отождествили с рутью летописцы рубежа XI–XII вв.,

---

⁴⁵ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4.

⁴⁶ Лихачёв Д. С. Комментарии // ПВЛ. С. 401–404 и др.

оправдывая – не столько перед современниками, сколько перед потомками – месть Ярослава новгородцам за избиевание варяжских наёмников. Но это отождествление, наряду с опорой на византийские известия, интерпретировало данные и местной традиции. В глубокой древности слово «русь» было олицетворением начала, противоположного стихии славянского племенного быта с его «усобицами» и неустроенностью. Не варяги навязали славянам своё самоназвание «русь», но славяне руками летописцев *наградили* варягов одним из звучавших в славянской среде имён-символов, слов-концепций.

Возвращаясь, с учётом сказанного, к реальным и литературным (летописным) варягам времени Владимира Святославича, понимаем, насколько важен (с разных точек зрения) для летописца, реализовавшего свою концепцию, факт их предательства князем-язычником.

Повесть временных лет демонизировала Владимира-язычника и возвышала Владимира Святославича и его сыновей как христиан. Одним из средств решения этих задач служило летописное исполнение «варяжской темы». Летописные варяги играют роль некоего индикатора. По отношению к ним князья делятся на «хороших», с христианской точки зрения, и «плохих». Язычник Владимир был их предателем, а христианин Ярослав готов мстить за них. Хотя сама по себе месть и нехристианское понятие, но ведь князь потом раскаялся и получил прощение. Да и сам Владимир после своего крещения поставил церковь на месте, где жили замученные в его недавнем языческом прошлом варяги-христиане.⁴⁷

Варяги в летописи – потенциальные носители правды и положительного смысла. Такой их образ в Повести временных лет сложился на основании разных составляющих, отражая как историческую действительность, так и политическую и христианско-дидактическую интерпретацию летописцев.

Подобный подход к летописному отождествлению варягов с русью, позволяет по-новому объяснить включённый в Повесть временных лет рассказ о парусах Олегова воинства, возвращавшегося на родину из-под стен Царьграда.⁴⁸ Начальное русское летописание пронизано славянским самосознанием,⁴⁹ и тема превосходства «руси» над

---

⁴⁷ ПВЛ. С. 38.

⁴⁸ ПВЛ. С. 17.

⁴⁹ См., напр.: Толстой Н.И. Этническое самопознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. Т. I. (Древняя Русь). М., 2000. С. 441–447.

«словами» могла звучать в нём только в определённом контексте. В упомянутом рассказе Повести временных лет, как правило, видят обычную насмешку киевлян («руси») над новгородцами («словами»), – не единственный в начальном летописании пример киево-новгородского взаимного подраживания. Как бы не трактовать «поволочиты» паруса «руси» и «кропильные» «слова»,⁵⁰ в летописном тексте явно прочитывается, с готовностью подчёркнутое его автором, превосходство «руси» над «словами». ⁵¹ В моём понимании, под «поволочитыми» парусами в Повести временных лет плыли «варяги», но не сами по себе, не как обладатели в современном смысле некоего привилегированного этнического статуса, противопоставленного статусу славян, а как носители определённого смысла, данного им летописцами. Образ летописных варягов, отражавший разные источники и задачи, позволял отличить дурное от правильного, олицетворял единство страны и её расцвет в будущем, олицетворял поддержку её князьям-собирателям, утверждавшим «одиначество», поддержку христианства. Само собой разумеется, что тут мы имеем дело с особой ментальностью эпохи и среды, создавших подобную литературную конструкцию.

Разумеется, даже привычные трактовки сюжетов и образов древней истории, не говоря уже о вновь предлагаемых, не застрахованы от пересмотра. Должны проверяться все возможные версии. «Олегов щит» на воротах Царьграда не столько «показывает победу» в современном её понимании,⁵² сколько служит призывом к постоянному исследовательскому поиску – «царскому» пути в науке. Обсуждать «норманнскую проблему» сегодня можно, только подняв её на новый уровень сложности, предполагающий, кроме прочего, раскрытие и интерпретацию симбиоза отражённых в источниках исторических фактов и *многогранных* литературных тенденций и подтекстов нарративов.

Источники и литература:

1. *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. М., 1971.
2. *Виндукинд Корвейский* Деяния саксов. М., 1975.

---

⁵⁰ Ср., напр.: *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958. Стб. 1281–1282, 1330; *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 79.

⁵¹ *Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5. С. 48.

⁵² См.: *Грот Я. К.* Труды. Т. 1. Из скандинавского и финского мира. СПб., 1898. С. 736, 894; *Никитин А. Л.* Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001. С. 180; *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 152.

3. *Галкина Е. С.* Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М., 2006.
4. *Галкина Е. С.* Тайны Русского каганата. М., 2002.
5. *Грот Я. К.* Труды. Т. 1. Из скандинавского и финского мира. СПб., 1898.
6. *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источникововедения летописных текстов. М., 2004.
7. *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М.; Л., 1926.
8. *Костомаров Н. И.* Господство дома св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 1993.
9. *Костомаров Н. И.* Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М.; Смоленск, 1994.
10. *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
11. Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Л., 1926.
12. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
13. *Лурье Я. С.* Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. I. 1968.
14. *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975.
15. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. СПб., 2002.
16. *Никитин А. Л.* Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001.
17. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / ПСРЛ. Т. 3. М., 2000.
18. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
19. *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4.
20. *Петров А. В.* К изучению литературных тенденций русской летописной историографии // Проблемы истор. регионоведения: Сб. научн. трудов к 70-летию проф. В. И. Хрисанфова / Отв. ред. Ю.В.Кривошеев. СПб., 2009. С. 19–58.
21. *Петров А. В.* Несколько замечаний о древнерусском «одиначестве» // Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2011. С.71–83.
22. *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003.
23. *Петров А. В.* Свв. сыновья князя Владимира и паракенотипические акценты в ранней русской историографии // Александр Невский: Проблемы истории России. Усть-Ижора, 2002. С.32–42.
24. *Петров А. В.* К обсуждению «варяжского вопроса» // Слов'янські обрії: Міждисциплінарний збірник наукових праць. Вип. 1 / Відповідальний редактор випуску О. П. Моця. Київ, 2006. С. 172–187.
25. *Петров А. В.* Ярослав Мудрый и варяги // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука:

- дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: Материалы Всероссийской конференции, посв. 100-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2009. С. 66–71.
26. ПВЛ / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996.
  27. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
  28. Рыбаков Б. А. Остромирова летопись // Вопросы истории. 1956. № 10.
  29. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
  30. Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994.
  31. Служба Николаю Юродивому Новгородскому с Житием. СПб., 1831.
  32. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958.
  33. Стефанович П. С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russiae*? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.
  34. Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-и томах: Т. 1. История Российской. Часть 1. М., 1994.
  35. Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод: (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 3–26.
  36. Тиандер К. Ф. Скандинавское переселенческое сказание // Датско-русские исследования. Вып. III. Пг., 1915.
  37. Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5.
  38. Толстой Н. И. Этническое самопознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. Т. I. (Древняя Русь). М., 2000. С. 441–447.
  39. Томсен В. Начало русского государства / Пер. с нем Н. Аммона // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002.
  40. Троицкий И. М. Возникновение Новгородской республики. В 2 ч. // Известия АН СССР. VII серия. Отд. обществ. наук. Л., 1932. № 4.
  41. Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6.
  42. Трубачев О. Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.
  43. Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
  44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. Изд. 2-е. М., 1987.
  45. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
  46. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.
  47. Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г. // Вопросы языкознания. 2000. № 2.